

Куздра и Бармаглот

ЧУДЕСА
ЛИНГВИСТИКИ

Екатерина Волович

Когда мы говорим на своём родном языке, слова складываются в предложения как бы сами собой. Мы можем говорить очень долго и ни разу не произнести двух одинаковых предложений. А можем продолжать одно предложение, пока не надоест, – как в английской стишке (он известен по переводу Самуила Маршака):

Вот дом,
Который построил Джек.

А это пшеница,
Которая в тёмном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

А это весёлая птица-синица,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в тёмном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

И так далее...

Ничто, в принципе, не мешает придумывать предложения до бесконечности. Допустим, нам даже вздумалось пересчитать все предложения. Но когда мы решим: «Ну уж это предложение точно самое последнее на свете!» – к нему всегда можно будет добавить какое-нибудь *который*, и начать сначала. Правда, таких способов удлинения не так много, как кажется (какие ещё вы можете придумать, кроме придаточных предложений?).

И что вообще означает – «придумывать» предложение? Представим, например, что из букв алфавита можно было бы составить очень-очень много слов, а точнее, представим, что вообще все слова, которые можно составить из букв алфавита, были бы настоящими словами. Тогда никто ничего не запомнил бы. Или что слова можно было бы изменять и складывать в

предложения, как кому заблагорассудится. Тогда никто ничего не понял бы, потому что смысл получившегося случайного предложения мог бы различаться, в зависимости от того, кто это предложение произносит.

Значит, предложения не придумывают, а составляют по определённым правилам, иначе люди не понимали бы друг друга. И внутри слов тоже действуют свои правила.

Что же это за правила? Может быть, главное всё-таки, чтобы были правильные слова? Надо посмотреть в словаре русского языка, и если все слова найдутся, значит, мы говорим на русском языке?

«Глбкая кúздра штéко будланúла бóкра и курдячит бокрénка» – на каком языке написана эта фраза? Похоже на русский? Даже вроде примерно понятно, о чём речь: какая-то дама что-то сделала (ударилась?) с существом мужского пола один раз определённым образом (сильно?), а потом начала что-то делать с его детёнышем и делает до сих пор. Слова из этого предложения даже не придёт в голову искать в словаре: ясно, что они выдуманные. Фразу про куздру, может быть, уже давно вам знакомую, придумал академик Л. В. Щерба почти сто лет тому назад.

Тогда, получается, главное, чтобы был ясен смысл, хотя бы приблизительный? Вот ещё один знаменитый пример: «Бесцветные зелёные идеи яростно спят» (англ. Colorless green ideas sleep furiously). Кажется, он совсем бессмысленный (как это *бесцветные* и одновременно *зелёные*, да ещё всё это про какие-то идеи), но ведь точно по-русски? Этот пример использовал знаменитый лингвист Ноам Хомский в книге «Синтаксиче-

ские структуры». Его пример показывает, что «осмысленность» и «грамматичность» – это не одно и то же.

Грамматичность – одно из самых важных понятий в лингвистике. Это значит, что каждый (ну, в идеале – каждый) носитель языка согласится, что некое предложение построено на его родном языке и построено без ошибок. Носитель языка должен уметь отличать правильные предложения (слова, сочетания слов) от неправильных. Причём делает он это интуитивно, не рассуждая. Более того, мы, носители языка, можем порождать и понимать предложения, которые никогда в жизни не слышали и не читали (и определять, правильные они или нет). И чаще всего именно так и происходит: предложений много, всех не услышишь.

Мы понимаем, что значит предложение «Зелёные слоны быстро бегают», но тем не менее чувствуем, что оно неправильно (потому что подлежащее *слоны* не согласуется со сказуемым *бегают* по числу; *слоны бегают* – так нельзя сказать по-русски). А непонятное предложение про бесцветные зелёные идеи грамматически правильно.

Множество таких грамматически правильных предложений бесконечно в любом языке, поэтому нельзя просто взять и запомнить их все. При этом дети быстро и безболезненно овладевают грамматикой родного языка, то есть научаются отличать грамматически правильные предложения от неправильных. Как у них это так легко получается, до сих пор толком не ясно.

А вот ещё один знаменитый пример вроде «глокой куздры» – стихотворение Льюиса Кэрролла «Бармаглот» (*Jabberwocky*) из «Алисы в Зазеркалье»:

Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве,
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове.

(перевод Дины Орловской)

Как можно его «перевести»? Попробуйте сочинить своё стихотворение по грамматической модели Льюиса Кэрролла, но уже из существующих слов. Или наоборот, сочините похожее, с выдуманными словами, – это же, наверное, очень просто?

ПУСЬКИ БЯТЫЕ

Сяпала Калуша с Калушатами по напушке. И увазила Бутявку, и волит:

– Калушата! Калушатошки! Бутявка!

Калушата присяпали и Бутявку стрямкали. И подудонились.

А Калуша волит:

– Оее! Оее! Бутявка-то некузьявая!

Калушата Бутявку вычучили.

Бутявка вздрезбезднулась, соприюткнулась и усяпала с напушки.

А Калуша волит калушатам:

– Калушатошки! Не трямкайте бутявок, бутявки дюбые и зюмо-зюмо некузьявые. От бутявок дудонятся.

А Бутявка волит за напушкой:

– Калушата подудонились! Зюмо некузьявые! Пуськи бятые!

Людмила Петрушевская

'Twas brillig, and the slithy toves
Did gyre and gimble in the wabe;
All mimsy were the borogoves
And the mome raths outgrabe.

